

ЖИВОЙ СИМВОЛ ВЕРЫ

МИПРОЛИТ
АНТОНИЙ
СУРОЖСКИЙ

митрополит Антоний Сурожский

Живой Символ веры

«Никея»

2025

УДК 239
ББК 86.37-4

Сурожский м.

Живой Символ веры / м. Сурожский — «Никея», 2025

ISBN 978-5-908047-02-9

Впервые на русском языке – полноценный курс бесед выдающегося пастыря, проповедника и богослова XX века митрополита Антония Сурожского, прочитанный в конце 1970-х годов и посвященный Символу веры. Строчка за строчкой владыка Антоний погружается в бездну смыслов исповедания веры, неизменно пропуская священные слова через свой собственный опыт предстояния перед Богом Живым. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 239
ББК 86.37-4

ISBN 978-5-908047-02-9

© Сурожский м., 2025
© Никея, 2025

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие	8
Вступительное слово	10
Введение	12
Глава 1. Вера	14
Вера как уверенность	14
Вера и выстраивание отношений	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

митрополит Антоний Сурожский

Живой Символ веры

Издание подготовлено совместно с фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского»

Перевод сделан по изданию – Metropolitan Anthony Bloom. Living the Christian Creed. London: Darton, Longman and Todd, 2024

© Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation, 2025

© ООО ТД «Никея», 2025

Предисловие к русскому изданию

Книга, которую читатель держит в руках, стала для меня лично, спустя многие годы, прошедшие с нашей встречи с владыкой Антонием Сурожским (Блумом) в 2001 году в Лондоне, неким новым опытом продления нашего общения. Несмотря на то, что прошло уже более 20 лет, как владыка перешел в мир иной, он продолжает касаться сердец людей, и моего сердца в частности.

Эта новая книга живых, вдохновляющих мыслей приснопамятного митрополита Антония представляет собой захватывающий опыт осмысления, проживания и практического применения в повседневной жизни нашего православного Символа веры.

Написана она для современного христианина одновременно доступным и глубоким языком, что, в целом, характерно и для иных сочинений и слов владыки Антония. Он, как всегда, обращается к читателю глубоко личным образом, прибегает к разнообразным формам интерпретации и донесения материала, не стесняясь вскрывать сопутствующую проблематику поднимаемых вопросов.

Владыка интересно и доходчиво рассматривает фундаментальные понятия богословия и антропологии, используя как лингвистические данные, так и цитаты Св. Писания, мысли Отцов Церкви и современных богословов. Такие смежные понятия, как Бог и творение, личность и природа, вечность и время и другие, начинают играть перед взором читателя новыми красками в увлекательном изложении автора.

Для меня особенно интересным оказалось то, что красной нитью сквозь всю книгу проходит проблематика личности или персональности как Бога, так и человека. Владыка Антоний, понимая всю историческую и богословскую дискуссионность понятия личности, различные трудности и недопонимания, роящиеся вокруг богословия персоны, тем не менее настаивает на необходимости дальнейших размышлений и поиска новых идей в этой актуальнейшей сфере теологии и антропологии. И, согласно мысли владыки Антония, чем больше мы пытаемся приоткрыть для себя понятие личности, тем более таинственным оно предстает перед нашим мысленным взором. А ведь именно таким свойством неисчерпаемости наделено, согласно мысли отцов Церкви, подлинное познание как Бога, так и богоподобного творения.

Мыслитель-иерарх заведомо предостерегает нас от ограничительного представления о личности в Боге, как свойственно нам в обыденности думать о личности человека как заведомо ограниченного существа. Впрочем, он предостерегает нас от однобоких интерпретаций любых богословских терминов. Посредством понятия личности автор ведет нас к тайне уникальности, несводимой к набору тех или иных индивидуальных характеристик, способных помочь нам различить, но не определить личность как таковую, уникальности, выражаемой прежде всего в жизненной тайне общения.

Владыка, со свойственной ему проникновенностью, здоровой смелостью, с определенным дерзновением опытного мыслителя, священнослужителя и теолога-антрополога, рассматривает трудные вопросы понимания персональности во внутри-троичном бытии, одновременно прилагая свои выводы к описанию жизни творения, отражающего в своем бытии тайны Бытия Того, Кто подлинно существует!

Высокопреосвященный автор предлагает очень интересное прочтение смыслов акта творения Богом мира с точки зрения свободы личности и самоотдачи. Он почти во всяком догматическом вопросе вновь и вновь предстоит тайне личностного бытия человека, созданного по образу Бога.

Яркие образы, которыми владыка Антоний пользуется для описания духовной реальности, западают в душу. Чего стоит, например, сравнение личности каждого человека с неповто-

римой мозаикой, которая должна научиться пропускать сквозь себя нетварный Свет, чтобы реализоваться самой и привлекать к себе взор, переливаясь своими особенностями.

Многие мысли, выраженные в книге, оказываются очень полезными для христианина в его духовной жизни. Так, например, отношение митрополита Антония к сомнениям в тех или иных постулатах веры заставляет воспринять их не только как отрицательное явление, но и как этап роста и преодоления тех ограниченных представлений, которые христианин воспринял в предыдущий период своего становления.

Трепетное, деликатное отношение к личности ближнего сродни для Владыки предстоянию Христу, Который сокровенно пребывает в каждом человеке, конечно, в большей или меньшей степени, но абсолютно реально для его подлинно евангельского взгляда на мир.

Автор предлагает внимательнее отнестись к материи мира и тела человека, которые, будучи созданы Творцом, отнюдь не являются причиной духовных проблем, испытываемых человечеством в его земном бытии. Владыка фокусирует наше внимание на Боговоплощении как кульминации откровения об отношении Бога к человеку и его природе. Если многие на ранних ступенях своего духовного развития смотрят на материю и тело как на что-то враждебное свободе духа человека, то, вполне в согласии со святоотеческим преданием, владыка Антоний подсказывает, что материя представляет собой тот топос, то «место», в котором, собственно, совершается спасение наших душ.

Не хотелось во вступлении очерчивать содержание книги, которая представляется мне интересной на всем ее протяжении и выстроена согласно ходу Символа. Хочется, чтобы каждый читатель мог сам для себя приоткрыть мир веры и мысли, молитвы и переживаний об отношениях человека и Бога, человека с человеком столь дорогого для многих приснопамятного владыки Антония.

*Мефодий (Зинковский), епископ Егорьевский,
ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*

Предисловие

Митрополит Антоний не любил, когда его называли богословом. При упоминании о богословах в его голосе порой проскальзывали суровые и раздраженные нотки. Но недоверие у него вызывал только особый род богословия, которое он сравнивает здесь с препарированием, – разговор о Боге, не имеющий связи с действительностью и с самой верой, отдаление от Живого Бога.

Таким богословом он не был и быть не мог. В то же время в этой книге он совершенно определенно раскрывается как богослов – в том же смысле, в каком богословами были Отцы Церкви, – как человек, говорящий от сердца, наполненного единством восприятия и отклика, которые являет собой деятельная жизнь общины. Он умело и тонко рассматривает разные виды уверенности и разные виды сомнений, встречающиеся на пути человека, и показывает, как можно жить в состоянии веры, не основанной исключительно на личной убежденности, но и не навязанной извне. В вере имеется элемент преображающей личной встречи – кому, как не ему, об этом знать! – но есть в ней и постепенное развитие отношений с теми, у кого мы учимся. Христос присутствует и в том, и в другом. Научение помогает нам признать, что механизмы, которые представлялись нам более или менее подходящими для восприятия истины о Боге, могут оказаться слишком мелкими или хрупкими, чтобы выдержать этот груз. Мы должны научиться «сомневаться» с надеждой, чтобы сохранить крупицу здоровой отстраненности в отношении применяемых нами формул. Даже если мы полностью принимаем их в качестве надежных проводников на пути к Богу, сами они этим путем не являются, и наше возрастание до Христа даст нам больше, чем может дать повторение общепринятых истин. В этом нет релятивизма или агностицизма (в подтверждение чего он приводит весьма уместные цитаты из трудов православных богословов, пользующихся безупречной репутацией) – одно лишь острое осознание того, что слова и образы всегда приводят нас к чему-то большему.

Поэтому он часто переформулирует или перефразирует ту или иную историческую богословскую проблему таким образом, чтобы помочь нам увидеть изначально неправильную постановку вопроса. Почитайте, что он говорит, например, о свободе или о суде и наказании. Почитайте, в чем, по его мнению, состоит первородный грех: человек видит невыносимую красоту Бога, но не может и не хочет удержаться и отойти от соблазна осознания своей собственной красоты подобия Богу, чтобы дать родиться совершенному и наполняющему все сиянию вечного прообраза. Или взять его комментарий по поводу ставшего предметом бурных обсуждений «греха против Духа Святого» как категорического отказа назвать и принять дар, находящийся в центре опыта человека, отрицания известной нам истины и, следовательно, закрепления своего плена. Он неоднократно говорит о несостоятельности различных богословских споров в поиске неопровержимого решения той или иной проблемы – это особенно очевидно в отношении «проблемы зла». Не раз владыка Антоний указывает на точку, с которой вопрос выглядит совершенно иначе и которая предполагает постоянное благоговение и покаяние.

В своих беседах и текстах (важно помнить, что он прежде всего был проповедником, а потом уже писателем и что сила и вес его утверждений во многом определялись контекстом личного общения) он часто стремится не одержать верх в споре, а помочь нам остановиться и посмотреть на проблему более терпеливо и внимательно. Перечень источников, на которые он опирается, поражает своей широтой – от первых Отцов Церкви до великих современных богословов, таких как Флоровский и Лосский, а также беллетристов, художников и людей общей с ним веры и сослужащих ему, которые делятся своим жизненным опытом. Как он сам иронично замечает, ему нравится строить свою аргументацию на этимологии – взять хотя бы сделанный им разбор слов, обозначающих понятие «истина» на греческом, русском, еврейском языках и латыни. И хотя серьезный ученый-лингвист мог бы приписать его изыскания разыгравшемуся

воображению, митрополиту Антонию удастся подсветить значения некоторых слов и заглянуть в потаенные уголки их смысла за счет отсылок к перекликающимся и связанным понятиям (даже если связь между ними является плодом его фантазии).

Это изложение христианской веры во всей ее исторической полноте, без стеснения и уклончивых пояснений. Автор признаёт те аспекты исторических фактов, которые могут вызвать чувство неловкости, и рассматривает их в общем контексте уверенно и без экивоков, заставляя читателя задуматься над тем, что значит та или иная формулировка для человека, стремящегося возрасть в любви и служении Богу. Например, он серьезно и сочувственно рассуждает о бесстрастии Бога, утверждая, что Бог не может быть пассивным; не следует представлять себе Бога далеким и незаинтересованным или беспомощным перед страданиями тварного мира, или обрушивающим на наши головы потоки бедствий. О вопросе «вечных мук» в наказание за грехи он тоже говорит с серьезной нравственной позиции, лавируя между прямолинейными утверждениями о гарантированном всеобщем спасении и неприемлемо жесткой и безжалостной картиной Божьего суда. Конечно, Бог прощает; конечно, Его суд опирается на единение Христа со всем родом человеческим. Но прощение еще не есть перемена, из него ничего автоматически не следует. Мы можем на все надеяться, но ошибаемся, если уповаем не на надежду, а на теоретизирование.

Митрополит Антоний был одним из величайших учителей христианской молитвы в XX веке, и даже спустя два десятилетия после его смерти его международное влияние ничуть не ослабевает. В этих лекциях, отредактированных настолько бережно и грамотно, что они не утратили своей непосредственности и живости, можно найти твердое основание всех его практических духовных наставлений в обширной сфере православной веры и традиции. Христианское учение «работает», привлекает, убеждает, призывает, открывая дверь в живую действительность обновленного и усиленного примирения с Богом во время каждой личной или общей молитвы, а напоминание о красоте образа взаимодействия Бога с миром побуждает нас к молитве и способствует ее углублению. Мы нуждаемся в том, чтобы нам объяснили эту красоту – не потому, что это стройная теория, а потому лишь, что она указывает нам путь к свободе. Именно это и делает так замечательно в своей книге владыка Антоний.

*Роуэн Уильямс,
Архиепископ Кентерберийский
(2003–2012)*

Вступительное слово

Прошло уже больше пятидесяти лет с тех пор, как я сидел на хорах в Кембриджской университетской церкви среди тысячи других посетителей и слушал проповеди митрополита Антония о Боге, в Которого я верю. Владыка пробыл у нас еще неделю: по вечерам говорил о вере, в обед – о молитве, а по утрам вел неформальные беседы. В понедельник вечером я сходил на беседу о вере и к концу недели уже посещал все три встречи каждый день. Это событие стало для меня поворотным пунктом на пути к принятию священнического сана.

Он дал мне и многим другим такое представление о христианской вере, которое не ограничивается посещением литургии, соблюдением свода нравственных правил или изучением Библии. Это было приглашение встретиться с Живым Богом, Который приходит к нам через Христа. Его слова вызвали отклик у многих из нас в то время поисков, в семидесятые годы. Книги, проповеди, беседы и телевизионные интервью митрополита Антония направляли наш путь к вере.

Это представление сформировалось из его жизненного опыта: родился он в Швейцарии в семье русского дипломата, детство провел в Персии, потом выживал во французской эмиграции, получил медицинское образование и служил врачом во Вторую мировую, после войны был назначен священником в приход в Лондоне, а в итоге стал епископом и митрополитом. Его вера была укоренена в учении Отцов ранней Церкви и русской монашеской традиции, но развивалась в современном западном обществе. Его слова и личный пример были так убедительны, что оживляли в людях веру.

Я продолжал размышлять об этом, посещая богослужения в русском соборе на Эннисмор-Гарденс, где особенно сдружился с о. Иоанном Ли, диаконом (впоследствии – протоиереем), который близко общался с митрополитом Антонием в последние годы его жизни. Кроме того, я участвовал в работе экуменических организаций, таких как Содружество св. Албания и св. Сергия, а позднее – Институт православных исследований в составе Кембриджского университета, которые митрополит Антоний поддерживал и направлял.

Конференции, организованные Фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», помогли шире распространить такой подход к богословию, и идея издать эту книгу появилась именно при посещении Фонда в Москве¹. В ходе встречи с о. Петром Скорером и Еленой Юрьевной Садовниковой, которые на тот момент возглавляли британское и российское отделения Фонда, мне передали объемный документ почти на триста тысяч слов – подготовленную Эстер Уильямс расшифровку тридцати девяти бесед, проведенных в соборе в период с октября 1977 года по май 1980-го. В этих беседах слушателю – а теперь и читателю – пояснялся глубокий смысл различных положений Символа веры.

Большинство книг митрополита Антония представляют собой сборники бесед, проповедей и статей о молитве и других аспектах христианской веры. В этих же беседах содержится полный и подробный рассказ о его подходе к вере и раскрываются все пункты Символа веры. Это системный и комплексный взгляд на веру.

С той самой встречи в Москве я стал работать над текстом: сокращал, адаптировал устную речь к письменной, подбирал и распределял материалы. Кроме того, я добавил краткие биографические характеристики богословов и писателей, на которых ссылается митрополит

¹ Джон Биннс принимал участие во Второй международной конференции по наследию митр. Антония в Москве. Его выступление «Живое свидетельство веры: митрополит Антоний и его служение студентам» опубликовано в: Человек в богословии митрополита Антония Сурожского. Доклады Второй международной конференции 11–13 сентября 2009 г. Москва. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2013. С. 22–33. *ЗПримеч. ред.*

Антоний, чтобы показать разнообразие задействованных им источников. При этом я постарался сохранить смысл его слов и особый стиль речи.

Читая эту книгу, мы словно вновь встречаемся лицом к лицу с великим наставником в вере и слушаем, как он делится своими мыслями и опытом. Это не просто сборник бесед. Это приглашение к личной и близкой встрече с верой.

*Джон Биннс,
приглашенный профессор Института православных исследований
Кембриджского университета*

Введение

КАК ЧИТАТЬ СИМВОЛ ВЕРЫ

В этих беседах я не пытаюсь всесторонне проанализировать Символ веры или полностью изложить вероучение Церкви, но надеюсь оживить в нас ощущение того, что значит наша вера.

Я хотел бы предварить беседы несколькими комментариями.

Во-первых, Символ веры, который читается во время богослужений и в других случаях, – это не единственное святоотеческое изложение основ нашей веры, используемое в Церкви и в христианстве в целом. В то же время он представляет собой полное и окончательное выражение веры Церкви, сформированное в процессе осознания глубины и полноты знания о Боге, переданного через Святого Духа, явленного в Писании, воспринятого святыми и единого для всей общины верующих.

Вместе с тем это еще и литургическая формула в том смысле, что она отражает веру всего народа Божьего и личную веру человека. Заявляя о своих убеждениях, каждый из нас произносит: «Верую!» – и при этом принадлежит к совокупности людей, которые через веру и опыт убедились в том, что Бог, о Котором говорится в Писании, – это Бог, Которому мы доверяем, и в этом состоит вера Церкви. Мы заявляем о своей вере во время литургии, собирая Церковь, которая представляет собой таинственное соединение Бога и человечества в едином теле, в единой встрече, в единой жизни. Литургия в Церкви – это место запечатления Символа веры. Молитвы святых, учения святых отцов и, прежде всего, жития святых и таинственная жизнь Церкви Божьей – это основные составляющие понимания Символа веры.

Символ веры относится к двум уровням церковного сознания. Во-первых, это провозглашение веры, которое мы должны произнести перед вступлением в лоно Церкви. Символ веры читается перед принятием святого крещения. Кроме того, каждый христианин, который добросовестно совершает утреннее молитвенное правило, тоже произносит и провозглашает Символ веры, каждый день воссоединяясь с таинством веры Церкви и таинством церковной жизни.

Во-вторых, следует помнить, что Символ веры, который мы читаем, стоя на пороге Церкви, не есть такое изложение веры, которое со временем может быть заменено у членов Тела Христова мистическим опытом и другими учениями. Символ веры читается во многих других обстоятельствах – например, его произносит епископ в день своего рукоположения, – и это говорит о том, что он отражает полноту вероучения всей Церкви.

В то же время Символ веры, который мы читаем во время литургии, исповедуя свою веру, не есть лишь введение в вероучение. Как и все остальное в христианстве, он в простой и доступной форме выражает бесконечную неизмеримую глубину содержания и понимания.

Чтению Символа веры на православной литургии предшествует возглас дьякона: «Двери, двери! Премудростию вонмем!» Эти слова означают, что в данный момент литургии двери закрываются для посторонних, поскольку начинается евхаристический канон, предназначенный только для верных. Однако св. Максим Исповедник упоминает еще об одном значении. Слово «двери» относится к затворению врат истории и вступлению в эсхатологию, конец времен². Мы должны закрыть врата времени, врата временного бытия и войти туда, где через

² Ср.: «Заккрытие врат Святой Церкви Божией, бывающее после священного чтения святого Евангелия и удаления оглашенных, показывает переходящесть перстных и вступление достойных в духовный мир, то есть в брачный чертог Христов, которое произойдет после того страшного отделения и еще более страшного Суда». – Максим Исповедник. Мистагогия, 15 // Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. I. М.: «Мартис», 1993. С. 172. – *Здесь и далее – примечания научного*

веру, созерцание, Воплощение и данное Самим Богом откровение мы видим исполнение всего. Итак, возглас «Двери, двери! Премудростию вонмем!» переносит нас за пределы видимого – к невидимому, где соединяются трансцендентная и имманентная непреступная святость Бога и Его присутствие среди нас. Произнося слова Символа веры, основанные на нашем земном человеческом опыте, мы говорим о том, что находится за пределами видимого и познается только через таинство веры и таинство причащения.

Перед чтением Символа веры есть и другие слова, которые готовят нас к провозглашению тайны столь же глубокой, как Бог, как человечество и как их встреча, – возглас священнослужителя: «Мир всем!» Это мир Божий, который превосходит всякое разумение, который неколебимо сохраняется в эпицентре жизненной бури, который уже сейчас делает нас причастниками покоя, устойчивости и ощущения исполнения и победы грядущего века. Только в мире с Богом, своей совестью, своими ближними и всем, что нас окружает, можно вступить в эту таинственную часть литургии. Разве не сказал Господь: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим» (Мф. 5: 23–24)? Потому что Бог может дать нам мир, чтобы мы обрели способность приближаться к провозглашению Бога, открывающегося через Христа: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповедаем Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную».

Бог, о Котором мы свидетельствуем, есть Бог любви. Нельзя познать Бога, не обретя любви. «Кто говорит: „я люблю Бога“, а брата своего ненавидит, тот лжец», – утверждает св. Иоанн Богослов (1 Ин. 4: 20). Лишь преодолевая наши разделения, нашу человеческую немощь, трения и конфликты, мы можем войти в таинственное царство божественной любви и истинно и подлинно исповедать Господа.

Так что Символ веры – это не только изложение интеллектуальных убеждений; это новая жизнь.

Мы говорим: «Двери, двери!» – и вступаем туда, где прекращается история в восприятии неверующих людей. Туда, где история берет свое начало в Боге и устремляется к Богу как к своей конечной точке. Центром ее является Воплощение, которое составляет ее полный, окончательный и великий смысл. Мы вступаем туда, где все уже совершилось во Христе и в то же время совершается для нас в замысле и осуществлении спасения. И только с этим ощущением, что за видимым есть невидимое, что за такими ясными и простыми словами Символа веры стоит неизмеримая глубина божественного присутствия, осознаваемая только в Церкви в средоточии ее молитвы и святости, через пребывание и активное действие Бога среди нас и внутри нас, мы можем приблизиться к чтению, произнесению и проживанию Символа веры.

Глава 1. Вера

«Верую»

Вера как уверенность

Размышляя о Символе веры, прежде всего необходимо задуматься о смысле первого слова – «верую» – и о природе веры. Затем следует рассмотреть соотношение веры и опыта, природу истины и место сомнения в вере. Мы не просто пытаемся понять слова Символа веры, но стараемся, чтобы они достигли нашего ума и сердца.

Наше исповедание веры начинается со слова «верую». В повседневной речи соответствующее ему английское слово (believe – полагать) оставляет пространство для неуверенности и сомнения. Смысл веры состоит не в этом, но чаще всего она у нас именно такова. Однако в Библии нет места сомнению или неуверенности. Произнося «верую» или «веруем», мы подразумеваем, что выражаем свое убеждение, в котором мы уверены, исповедуем свою веру.

Одно из самых ясных утверждений о вере, которые только есть в Новом Завете, содержится в Послании к Евреям: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11: 1). Такая вера не знает неопределенности или колебаний. Здесь говорится о том, что вера есть уверенность.

Но откуда проистекает эта уверенность? Как можно быть уверенным в невидимом? Как можно с уверенностью заявлять о том, что это невидимое и неосоздаемое составляет наше убеждение и твердое основание нашей надежды? Как можно считать это основание незыблемым, если оно касается невидимого?

Все свое знание о Боге и о том, что к нему относится, мы получаем из проявлений Бога, которые мы называем Его откровением и воспринимаем как опыт действительности. В нашем знании о Боге, человечестве, мире духа, да и обо всей сфере невидимого нет ничего такого, что не было бы дано нам через действие, которое проявляется для нас в виде событий нашей жизни. Но тогда возникает вопрос: как событие и переживание становятся предметом веры? Как перейти от переживания Бога к вере в Него?

В одном из своих наставлений св. Макарий Великий, живший в IV веке, пытается проанализировать тот момент, когда опыт какого-либо действия Бога преобразуется в другой вид опыта – веру. Этот вид уверенности уже не касается того, что можно воспринять, увидеть и испытать непосредственно в данный момент, поскольку само событие уже отошло в прошлое.

Св. Макарий объясняет это так: есть моменты, когда присутствие Бога, реальное и близкое, так переполняет молящегося, что он забывает обо всем – о своем теле, обо всем окружающем, обо всем происходящем, каким бы важным оно ни было. Единственное, что остается, – это даже не человеческое сознание, но осознание переполняющего и всепобеждающего присутствия Бога. Св. Макарий говорит, что даже если бы Бог не думал ни о ком, кроме людей, переживших такой опыт, этого уже было бы достаточно. Это и есть встреча с Богом. Это уже жизнь вечная.

Но потом он говорит, что Бог думает и о тех, кто не достиг такого молитвенного состояния, в котором можно встретить Бога на такой глубине и с такой ошеломительной силой. И Бог отступает, чтобы человек, испытавший столь мощные переживания от встречи, мог побыть наедине с собой. Когда Он отходит, к человеку возвращается осознание своих мыслительных процессов, ощущений, тела, души, обстоятельств повседневной жизни. Но он выходит из этого опыта другим человеком – тем, кто на один миг вне времени испытал ощущение вечности.

Св. Макарий указывает на тот момент, когда мы переходим от действительного переживания встречи с Богом к повседневности жизни, но еще не утратили уверенности в реальности этого переживания. В этот момент мы переходим от опыта непосредственного общения с Богом к опыту веры.

Есть еще один подобный образ. Представьте себе, как по морю плывет лодочка, а в ней сидит человек. Лодка реальна, море тоже реально. Потом случается прилив, лодку прибывает к берегу, и она утыкается в песок. Движение прекращается, но человек еще ощущает колыхание волн, на которых качался мгновение назад. Вот тогда-то пережитый в действительности опыт становится уверенностью в невидимом, которую мы называем верой.

Это определение важно, потому что вера – не то же самое, что доверчивость. Вера – это не просто способность принимать чьи-либо слова как истину без предварительного их рассмотрения или иного основания. Для того чтобы вера была живой, деятельной и личной, она обязательно должна опираться на некий опыт. Говоря о «некоем опыте», я сознательно использую именно эти слова, потому что не всем нам дается такое всепоглощающее переживание встречи с Богом либо в молитве, как описывает св. Макарий, либо иным образом. Очень часто мы лишь касаемся края Его одежды, но и тогда с нами что-то происходит. В Евангелиях рассказывается о женщине, страдавшей кровотечением, которая дотронулась до края одежды Христа и почувствовала, что исцелилась (Мф. 9: 20; Лк. 8: 43–44). Даже такого мимолетного и краткого контакта достаточно, чтобы мы могли обрести некую уверенность.

Такая уверенность в своей вере может быть трех видов или трех степеней благодати. Во-первых, есть вещи, знакомые нам из личного опыта, – наше знание о них столь явно, сильно и несомненно, что мы можем на собственном опыте утверждать их истинность и рассуждать об их следствиях. Взять, к примеру, св. апостола Павла – он направлялся в Дамаск, преследуя христиан, которых считал богохульниками, отвращавшими людей от истинной веры, изложенной в иудейских книгах. По дороге он встретил воскресшего Христа и с того момента не испытывал никаких сомнений в истинности Воскресения, поскольку сам видел воскресшего Христа, а значит, стал свидетелем самого Воскресения. Поэтому в Послании к Галатам он мог написать, что в течение одиннадцати лет не искал встречи ни с кем из апостолов. Они не могли сказать ему ничего такого, чего он сам бы не знал из своего опыта. Среди его современников были люди, которые могли свидетельствовать о служении Христа, и даже, может быть, те, кто знал Его еще до начала служения. Но они ничего не могли добавить к тому решающему событию, которое сделало его последователем Христа. Все, чему он учил о Христе и о спасении, было передано ему в тот момент. Он исповедовал то, что с тех пор исповедовала вся Церковь, – изначальный, основополагающий опыт: Христос воскрес. Значит, все, что из этого следует, истинно.

Но затем личный опыт должен быть сопоставлен с опытом других людей. В опыте людей есть сугубо личные аспекты, а есть те, которые составляют истину Церкви. То, что можно излагать и исповедовать как евангельскую истину, должно быть истиной, которую Бог открывает Церкви, а значит, истиной, общей для всех. У людей, принадлежащих к Церкви, может быть разная глубина личного знания, но одинаковая уверенность в истоках общинной жизни Церкви.

Такое знание о Боге может иметь разные степени и нюансы. Бывают некоторые личные аспекты, и хотя они принадлежат к общему багажу знаний, они одновременно остаются моими, твоими, его или ее. Каждый из нас совершенно уникален, поэтому каждый из нас знает Бога не так, как ближний. И когда в конце времен все творение предстанет в славе, каждый из нас будет мелким камешком в огромной мозаике, потому что дарованные нам Богом особенности и сияние уникальны. В Книге Откровения есть отрывок, где говорится, что в Царстве у каждого будет имя, которое не знает никто, кроме Бога и носителя этого имени (Откр. 2: 17). Это свидетельствует об уникальности человека и о том, что его не знает никто, кроме Бога, и только

Бог может открыть ему его подлинную глубинную сущность. Однако Евангелие едино, как и его суть и исповедание, и каким бы личным ни был опыт, он должен вписываться в эту мозаику, не нарушая общей гармонии, звучать, как голос в хоре, который сливается с остальными в один стройный аккорд.

Но в нашей вере много такого, что выражено в Символе веры и в общецерковном опыте общения с Богом, но что пока не познано мною через личный опыт. Тем не менее я могу все это исповедовать. Но как? С одной стороны, потому что это знание входит в общую сокровищницу Церкви – истинной Церкви, к которой я отношусь. Оно принадлежит всем нам, но я могу заявлять от первого лица: «Верую!» – поскольку в моем личном опыте достаточно общего с этим приходом в этой Церкви, чтобы я мог сказать: «Да, я могу доверять свидетельству всей этой группы, ведь я уже убедился в том, что она разделяет некоторое число изначальных убеждений, к которым я пришел через личный опыт и которых придерживаюсь лично я». Я соглашаюсь не потому, что в это верит вся группа, но потому, что я знаю то же, что знает она, пусть и отчасти, и поэтому могу согласиться и разделить жизнь и опыт всей группы в ее полноте.

Это относится, например, к нашему опыту Причастия Тела и Крови Христовых. Мы можем сравнить свой мимолетный опыт, который быстро угасает, с опытом св. Симеона Нового Богослова. Приходя из храма и сидя на дощатой кровати в своей крошечной келье, он писал: «Я смотрю на свои руки, на свои члены и исполняюсь благоговения, потому что эти старческие руки есть руки Бога; оглядывая свою махонькую келью, я вижу, что она шире небес, потому что небеса не способны вместить Бога, а моя келья вмещает Его»³. Это не поэзия и не пустые слова. Это описание переживания, к которому мы можем прийти, возрастая в полноту опыта такого человека, как св. Симеон и другие. Может быть, мы не будем обладать всем этим опытом, но у нас есть такой потенциал и мы уже стоим в начале пути. Поэтому мы можем сказать: «Если то, что я об этом знаю, – правда, а то, что знает он, – несомненная истина, то я могу свидетельствовать о его правоте, опираясь на свой ограниченный опыт познания истины».

Говоря о своей вере с другими людьми, надо проявлять осторожность, чтобы не разочаровать их и не разочароваться самому, заставив их вообразить, будто все, что мы исповедуем, известно нам из личного опыта. Вместо этого следует сказать: «Я знаю то-то и то-то и поэтому могу признать истинность того, что мне еще не знакомо. Я говорю об этом, опираясь на свой опыт: я заявляю об этом, потому что разделяю это знание со всеми верующими в полном доверии. Это выходит за пределы моих собственных познаний, но все же я об этом знаю – как желудь, который заключает в себе дуб, но еще не является дубом».

Существует и третий уровень веры и уверенности, которые мы черпаем из другого источника – из слова Божьего и особенно из учения Христа. Когда Христос говорит: «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1: 18), – это звучит как предупреждение: всё, что мы можем сказать об отцовстве Бога, о тайне Святой Троицы, об отношении Бога к Своим творениям, в каком-то смысле нам неизвестно, но явлено. «Явить» означает «снять покров». Об этом говорит единственный истинный Свидетель (как называет Христа Иоанн Богослов в Книге Откровения), Который имеет право говорить, опираясь на Свое божественное и человеческое знание. Поскольку у нас есть иные причины верить во Христа, мы можем принять и это свидетельство. Даже если оно выходит за рамки нашего личного знания, мы можем принять его уверенно и спокойно, с убежденностью в его несомненности.

Итак, вот три уровня веры. И дело тут не в большей или меньшей уверенности. Моя уверенность в реальности моей первой встречи со Христом не больше, чем уверенность в истинности того, что Христос Сам говорил в Евангелии, но это уверенность иного рода. Может быть,

³ Ср.: «Мы делаемся членами Христовыми, а Христос нашими членами. И рука (у меня) несчастнейшего и нога моя – Христос. Я же жалкий – и рука Христова и нога Христова. Я двигаю рукою, и рука моя есть весь Христос, ибо Божественное Божество, согласись со мною, нераздельно; двигаю ногою, и вот она блистает, как и Он» (*Симеон Новый Богослов, прп.* Божественные гимны. Гимн 58 // *Он же.* Творения. Т. 3 (разные издания).

то, что я испытал, и меньше, и менее чисто, но это лично мое. В том, что я узнал от Христа, я уверен по-другому – это совершенно истинное и надежное свидетельство, но я воспринял его от Христа и не могу сказать, будто знаю об этом из личного опыта.

Но на этих трех уровнях веры нельзя останавливаться. Мы призваны выйти за границы этих видов уверенности – уверенности, которую мы получаем, делясь друг с другом тем, что знаем изначально, тем, что знает вся община в своей полноте. Мы выходим за эти рамки, возрастая до более глубокого знания Бога, которое приходит к нам через молитву, любовь, жизнь по Евангелию, через все разнообразные составляющие святости. Достигая полноты возраста Христова, познавая Церковь во всей ее глубине и целостности, мы выходим за пределы своего ограниченного небольшого опыта – к постоянному развитию, которое в конечном счете объемлет всю веру. Тогда Его знание может стать нашим, но на этом пути нам придется обрести ум Христов и дорасти до этого знания, приняв для начала Его слово, потому что мы осознаём Его как истину. При этом мы понимаем, что известная нам истина – это Он, а не оно. Можно сказать, мы знаем это так же, как знали апостолы.

Как вы помните, в шестой главе Евангелия от Иоанна рассказывается о том, как слова Христа смутили слушавших Его и те стали уходить, когда Он сказал, что даст верующим есть Плоть Свою. Христос обратился к Своим ученикам и спросил: «Не хотите ли и вы отойти?» Те ответили: «К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин. 6: 67–68). Когда Христос говорил, Его слова проникали в самую глубину души тех людей, которые были способны на них откликнуться, пробуждая их, вызывая их к жизни – жизни вечной – и позволяя им приобщаться к этой жизни в полноте и целостности.

Вера и выстраивание отношений

Вера, понимаемая таким образом, обладает универсальностью, которую мы не всегда замечаем, связывая понятие веры с религиозным и духовным опытом. Сталкиваясь с видимым, осязаемым, материальным миром, воздействующим на наши органы чувств, мы остаемся на поверхностном уровне и не можем заглянуть глубже, если не ощущаем, что за видимым проявлением есть и невидимое, в котором и скрывается настоящая природа и сущность этого мира. Это относится к физике и химии, математике и биологии. А с человеческой точки зрения, это относится и ко всем отношениям, которые мы строим. В отношениях мы стоим лицом к лицу с физическим присутствием, а затем начинаем познавать невидимое – ум, сердце, личность.

В сфере видимого, так же, как и в сфере невидимого, к которому относятся, например, ум и сердце человека, последнее слово остается за верой. Начиная больше понимать, мы чувствуем, что возрастает наше знание, но одновременно с этим возрастает и наша вера, и осознание глубины, широты и, в конечном счете, таинственности всего сущего. У меня есть опыт научной работы, и я знаю, что ученый – это человек, который обнаруживает за внешними проявлениями или свидетельствами то, что сокрыто от глаз. Это человек, который все сильнее ощущает и осознаёт, что весь окружающий нас мир обладает гораздо большей глубиной и масштабом, нежели казалось сначала.

В отношениях между людьми – это область, которая знакома всем нам – последнее слово тоже остается за верой. Сталкиваясь с видимым человеком, мы начинаем изучать образ его мыслей, чувства и все, что он собой представляет. Но чем ближе мы узнаём человека, тем более таинственным он становится. Когда мы знакомы с человеком поверхностно, нам несложно описать его в нескольких словах. Мы можем сказать, что он умен, эрудирован или обладает такими-то качествами. Затем, знакомясь с ним ближе, мы начинаем оценивать каждое из своих представлений о нем. Этот процесс оценки и пересмотра продолжается до тех пор, пока мы не будем знать человека лично и непосредственно, и это можно назвать созерцательным представлением о человеке. А потом нам становится сложно выразить это знание словами. Мы доходим до точки, где сталкиваемся с самой сокровенной тайной о человеке, в которую нельзя проникнуть. Это священная территория, на которую мы не можем ступить, и на этой границе приходится остановиться в благоговейном трепете. Эта территория – самая суть человека – известна только Самому Богу, и только Он может ее посетить. На этой глубине у человека есть имя, которое знает только Бог, а все те имена, свойства и характеристики, которыми мы наделяем людей, служат лишь описанием или общепринятым наименованием, позволяющим различать людей, но не определять их уникальность.

Вера – это наше отношение к внешнему миру в тот момент, когда мы начинаем по-настоящему его познавать. Это отношение, к которому мы приходим, начиная глубоко узнавать другого человека. Это настроение ума и переживание, которые не ограничены религией и распространяются на ощущение тайны, присущей миру и людям во всей полноте жизни. Это качество, в конечном счете, можно приобрести только через созерцательную тишину. Английское слово «mystery» («тайна») связано с греческим глаголом «μυεῖν», от которого происходит французское прилагательное «muet» («немой»). Созерцание – это такое состояние, в котором человек, столкнувшись с глубиной вещей, может только смотреть, слушать, воспринимать и приобщаться, но уже не способен анализировать, структурировать, подразделять и видоизменять в соответствии с научными методами.

Мы обнаруживаем, что вера происходит из непосредственного опыта. Мы сталкиваемся с видимым и осязаемым миром, постигаемым через органы чувств, и вынуждены задаваться вопросами. Мы видим лицо, видим человека и испытываем желание познакомиться поближе. Но это относится только к зримому, материальному миру людей. Как же сделать следующий

шаг и оказаться в присутствии Бога? Легко понять, как может озадачить природа видимого или настоящая суть и глубина человека, потому что мы с ним знакомимся. Где можно так же познакомиться с Богом?

В этот момент особое значение приобретают и сам верующий, и община. Мы встречаемся с Богом через отдельных людей и через общину. Афонские монахи говорят, что никто не может отречься от мира, пока не увидит на лице хотя бы одного человека сияние вечной жизни. Мы не можем верить в Бога любви, если не находим в христианской общине либо сияющей, блистающей любви, либо хотя бы опыта отчаянной борьбы между светом и тьмой, в которой мы сделали выбор в пользу света против тьмы, даже если тьма в нас пока преобладает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.